

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

Время топоров

*Идут мужики и несут топоры,
Что-то страшное будет.*

Ф. М. Достоевский, «Бесы»

Началось всё с того, что тёплым осенним днём, когда солнце подтаявшим куском сливочного масла размазалось и по листве, и по земле, и по небу, смешало зелёное, синее, золотое, красное, чтобы написать невозможную в своём совершенстве картину, в городском парке появился человек с топором.

Он шёл по дорожке, топор держал так, что носком лезвия чиркал по асфальту. Завидя его, со скамеек вспархивали, словно испуганные птицы, мамы с детьми и одурманенные молодостью парочки. Мужчины оставались на месте, но с опаской косились на топор, подобранные и готовые к возможным случайностям.

Человек с топором свернул с дорожки и двинулся по газону. Здесь под деревьями, на живой ещё, но отдавшей весь сок лету траве, отдыхали

горожане. Уже через минуту их сдуло, и человек с топором беззаботно расположился под кустом, обнял топориче и блаженно закрыл глаза.

Вскоре парк снова наполнился людьми. Не может горожанин слишком долго бояться, не может слишком долго переживать, ему сподручнее оправдать и вписать безумие в реальность прежде, чем оно окончательно сведёт его с ума. Особенно такой удивительной осенью, когда кажется, что тепло неистоцимо, а жизнь бесконечна.

От входа в парк по той же асфальтированной дорожке вышагивала дама в невесомом шифоновом платье, так подходящем этому чудесному дню. Она волочила за собой топор, и как только её заметили горожане, в парке стало так тихо, будто отсюда разом откачали весь воздух. Притихли даже птицы, а ветер не решался тревожить деревья и траву. За ней шли женщины постарше, обе волочили топоры по асфальту. Не успели барышни дойти до ближайших скамеек, как их обогнали трое парней с топорами. К вечеру, когда горизонт почти доел солнце, городской парк заполнился людьми с топорами: женщины и мужчины, молодые и старые, дети и подростки, была здесь даже коляска с младенцем и с маленьким, но не игрушечным топориком рядом с ним.

Когда ночь надавила из ламп уличных фонарей апельсинового и лимонного света, разбрызгала его тут же, под фонарями, а с неба на город уставилась уполовиненная луна, люди с топорами заполонили дворы и скверы, площади и детские площадки, проспекты и улицы. Они не нарушали ночной тишины, не говорили друг с другом, даже не шептались, только мирно гуляли, сидели на скамейках, лежали на газонах, и казалось, что безобиднее люда и быть не может, но город всё равно пропитывался тревогой. Редкий прохожий без топора, оказавшийся в этот поздний час на улице, спешил домой в ужасе и тут же нырял в ленты социальных сетей в надежде найти успокоение, но там уже бушевал ураган, сеющий панику, не сравнимую в своей силе с той лёгкой тревогой ночного города из-за людей с топорами. Перед самым рассветом не сомкнувшие глаз горожане уже не призывали в Сети немедленно разобраться, не уповали на полицию и армию, не собирались давать отпор, а скромно надеялись, что с первыми лучами солнца люди с топорами одумаются и разойдутся по домам. Только солнце и не обмануло надежд, оно, конечно, взошло.

Люди с топорами пришли в движение. Кто-то отправился на работу, кто-то повёл ребёнка с детским топориком в руках в сад или в школу, кто-то так и остался на месте или стал прогуливаться по тротуарам. Можно было справедливо полагать, что вскоре этому всему будет положен конец, но если бы такой полагающий заглянул в ближайшее отделение полиции, в воинскую часть или даже в здание городской администрации, то заметил бы, что и там людей с топорами из служащих и работников было не меньше половины, и никакой гарантии, что вскоре их не станет больше, чем остальных, не было. Всё пока держалось на хлипком, но единственно возможном в этой ситуации — ну ничего же пока не происходит.

«Ну ничего же пока не происходит», — подумал Панков, когда аккуратно приоткрыл дверь парадной и глянул на улицу. По одной стороне тротуара, ближе к дороге, шли по своим делам люди с топорами, по другой — жались к домам взволнованные и опасливые горожане без топоров. Панков двинулся посередине и старался не задеть случайно плечом ни тех, ни других, но если разминуться не получалось, он предпочитал потеснить кого-нибудь из тех, кто без топоров, чтобы и дальше, а не только пока ничего не происходило.

По пешеходному переходу, через который Панков попадал на работу и где никто из автомобилистов никогда не удосуживался притормозить или пропустить пешехода, нарочито медленно, волоча за собой топор, вышагивал старик. Ни одна машина не рискнула посигналить ему, чтобы поторопить, а уж тем более проскочить перед ним или позади. Вряд ли этому немощному деду хватило бы сил метнуть топор, случись такое, но что-то держало вечно поспешающих водителей в узде. Может, приближающиеся к переходу другие люди с топорами, может, они же, но бредущие по тротуарам вдоль дороги, многим из которых, конечно, достанет сил кинуть топор на приличное расстояние. Впервые со вчерашнего дня Панков отметил, что помимо тревоги от заполонивших улицы горожан с топорами какое-то ещё чувство поселилось в нём; он пока не мог определить, какое именно, но настроение Панкова раскрасилось, заблестело, и он, смешавшись с топорами, хлынувшими через дорогу, бодро, не смотря по сторонам, двинулся через пешеходный переход.

На входе в офисное здание Панкова встретил охранник с топором, ещё один с топором стоял у отключённых турникетов. Пропусков никто

не спрашивал, целей визита не уточнял, и Панков благополучно прошёл к лифту, отметив про себя, что в таком виде охрана его устраивает и в кои-то веки смотрится уместно.

На своём этаже Панков прошёл мимо открытой двери в кабинет начальника отдела. Тот сидел за столом и внимательно разглядывал топор, лежащий перед ним на столе, и ничто более его не интересовало. Он глянул мельком на Панкова, и в этом взгляде блеснуло что-то такое, от чего с Панкова тут же слетело недавнее цветное настроение, резко захотелось в туалет, а в солнечном сплетении застрял холодный и тяжёлый камень.

Панков заперся у себя в кабинете и только ближе к обеденному перерыву решил выглянуть в коридор. От непривычной тишины камень в солнечном сплетении стал ещё тяжелее и холоднее, и Панков, чтобы найти хоть какую-то точку опоры и дожить этот день, решил посчитать, сколько здесь сейчас людей с топорами и сколько — без.

Панков попросил офис-менеджера — девицу, которая подкрашивала губы, смотрясь в отполированное зеркало топора ручной работы с клеймом кузнеца на обухе и ловко зажимая топорнице коленями, — объявить общий сбор в холле. Он уже собирался выдумать какую-нибудь стоящую причину, чтобы не разгневать таким самоуправством руководство, но всё прошло на удивление гладко. Все послушно собрались в холле и сами по себе сбились в две группы: «топоры» и бестопорные. Бестопорные жались к стене и отчего-то смотрели на Панкова с надеждой, «топоры» зыркали исподлобья с тем самым блеском, как у начальника отдела, похожим на искру света, пробежавшую по лезвию топора.

И тех и других оказалось поровну, и Панкову до ужаса хотелось сейчас спрятаться за спинами бестопорных, но одновременно не хотелось вызвать неудовольствие «топоров». И Панков, не до конца понимая, почему только сейчас, когда он собрал всех здесь, в холле, вдруг запахло противостоянием, виновато улыбаясь «топорам» и пожимая плечами, глядя на бестопорных, попятился к выходу.

Панков выскочил на улицу, где на одной стороне стояли люди с топорами, а на другой, через дорогу, — бестопорные. Они будто тоже пришли сюда и встали, услышав призыв Панкова к общему сбору.

«Я же не это имел в виду», — подумал Панков и поспешил в сторону своего дома.

Панков швыркал невыносимо горячим чаем на кухне с выключенным светом и смотрел в окно. Отсюда ему хорошо было видно ярко освещённую городскую площадь, на одной стороне которой, рядом со зданием городской администрации, суетливые горожане возводили баррикады, в то время как на другой стороне, возле краеведческого музея, выстроились в две шеренги люди с топорами. Они стояли неподвижно, казалось, что даже не дышат, можно было бы подумать, будто и дела им нет никакого до баррикад и до хоть как-то начавших действовать горожан. Если бы не очевидное: стоят они здесь из-за первого и второго.

Панков был уверен, что и тех и других поровну. Он утирал со лба пот и продолжал глотать кипяток, не замечая, что сжёт глотку, и никак не мог решить, что ему делать: рвать на баррикады или бежать за топором.

Панков никак не мог понять, как он оказался в такой ситуации, как вообще могло случиться такое, что ему непременно нужно выбрать одно или другое. Ничто никогда не волновало Панкова в такой мере, чтобы пришлось принимать чью-то сторону. Он всю жизнь одинаково презирал и правых, и левых, и ярых сторонников, и убеждённых противников. Никогда Панков не поддавался на сетевые провокации и не спешил комментировать громкие новости. Он аккуратно выжидал. Сначала смеялся над теми, кто спешил собрать пену с первых, самых высоких волн: этих всегда уносило спустя время в океан забвения отбойным течением. Панков внимательно вчитывался в комментарии тех, кто шёл за первыми и подбирал выброшенные волнами информационные сокровища на берегу, выдавая грамотную и выверенную аналитику. И тогда уже Панков занимал привычную и удобную позицию — серединку. Он не озвучивал своего мнения: не хотел быть опровергнутым. Панкову нравилось оставаться правым перед самим собой в такой благостной и убаюкивающей тишине внутренней правоты. Панкову никогда не приходилось и незачем было бороться за что-либо. Его уютная середина обладала удивительным свойством: на неё никогда не падали капли дождя, не беспокоили ветра и холода, жара и непогода. Здесь всегда светило ласковое солнце и температура не поднималась выше комнатной. И такое положение Панков считал своей безусловной заслугой. До нынешнего дня, когда ему стало ясно, что дело не в нём, не в его удобной

позиции, а только в том, что никогда ещё в городе не происходило ничего поистине значимого. Никогда не пугались безмятежные горожане настолько, чтобы бежать строить баррикады, ничто не могло довести добрых горожан до того, что они возьмутся за топоры. Во всём этом не было никакого смысла. Панков и сейчас остался бы посередине, если бы не убеждённость: рано или поздно и за ним придут и потащат на баррикады, если он не пойдёт туда сам. Или ещё хуже: за ним придут люди с топорами.

Панков смотрел на круглую, глупо уставившуюся на площадь луну и прикидывал шансы. Он пытался сообразить, что могут встревоженные горожане противопоставить топорам. Ничего путного не выходило. Панков решил, что с топорами ему удобнее. От них веяло силой.

Панков открыл ноутбук, вбил в поисковик «купить топор» и стал открывать вкладки одну за другой, прикидывая, сколько придётся ждать доставку. Но все топоры закончились. Панков закусил губу, хлопнул крышкой ноутбука и, как был в халате и тапках, выбежал в подъезд. Он спешил к пожарному щиту. На его счастье, пожарный щит в подъезде оказался образцовым и в полной сохранности. Панков схватил топор, выбежал на улицу и бросился к площади.

Он пристроился ко второй шеренге и всё никак не мог пристроить топор. То прижимал топорище к груди, то ставил у ног, то снова брал в руки. Он посмотрел на старушку по правую руку, державшую топор на плече, попробовал так же, но вскоре снова поставил у ног. Таглянула на него, и тут же остальные разом уставились на Панкова. Он со своими шебуршениями никак не вписывался в строй «топоров», и не было в Панкове той неведомой ему убеждённости, в чём бы ни были убеждены «топоры», из-за которой блестела в их глазах искра, похожая на пробежавший блик по лезвию топора. С таким же успехом Панков мог вместо топора взять коромысло, чтобы сойти за своего. Старуха зашла за спину Панкова и подтолкнула его обухом топора вперёд. Панков вышел перед строем и не нашёл ничего лучше, чем улыбнуться глупейшей из всех улыбок и зачем-то пожать плечами. Тут же стоявшая напротив, в первой шеренге, девочка лет двенадцати, с богатой чёрной косой и в очках, ловко и, как показалось Панкову, без особого усилия замахнулась увесистым колуном.

Панков бежал в сторону баррикад, не соображая, что так и не расстался с топором. «Началось... началось», — пробежало вполголоса по баррикадам. «Видать, главный», — раздалось чуть громче. «Вали его!» — уже во всю глотку. Вылетевший со стороны баррикад обломок брусчатки пришёлся точно в грудь. Панков отчётливо услышал, как что-то хрустнуло внутри, и тут же рядом с ним пролетела пустая бутылка. Панков развернулся, рванул обратно, и, когда добежал до середины площади, в грудь, в то же место, покалеченное брусчаткой, прилетел топор.

Панков удивлённо посмотрел на торчащее из груди топорщице и упал на колени. Со стороны краеведческого музея молча и неумолимо неслись к зданию администрации и баррикадам люди с топорами. Панков завалился на спину. Глупая луна желтила что было сил. Кто-то пробежал по Панкову и вогнал топор ещё глубже в грудь. Луна треснула и потухла.

Всё закончилось, когда небо заволокло, и казалось, что между чёрным космосом и землёй кто-то установил мутное оргстекло. Небо изо всех сил старалось укрыть белым всё, что произошло в городе, но снег никак не мог справиться со впитавшей кровь землёй и, сколько ни сыпал, окрашивался в красный. Это могла быть та чудесная зима, которая кажется легче пуха и чище слёз, если бы было кому сравнить и было кому плакать.